

Тогда Геру сказал: "Как насчет большего количества домовых эльфов? Не для обучения, конечно, а для всего остального. Они маленькие, верные и просто любят работать. Я думаю, если бы было само собой разумеющимся, что все, кто служит школе, продолжают хорошо к ней относиться. . . ."

Остальные немного поразмыслили над этим, бросая друг на друга умоглядные взгляды. "Поначалу мы не сможем набрать такое количество, - сказала Ровена, - но Геру права. Они очень много работают и делают отличную работу".

Геру не пожалел времени, чтобы вознести молитву о прощении Гермiony за такое предательство своих идеалов. Однако, если рассуждать здраво, он прекрасно понимал, что это случилось бы независимо от того, что произошло, поэтому не испытывал особых неудобств из-за того, что предложил это.

"И если они возьмут на себя большую часть домашней работы, то останется всего несколько человек, которых можно будет нанять для преподавательской деятельности", - резонно добавил Геру. "Однако, думаю, имеет смысл сказать, что мы должны больше специализироваться, если у нас больше людей. Салазар уже это делает".

Последовали кивки и разговоры о том, кто мог бы подойти. В конце концов, Геру стало скучно, и он отлучился, чтобы полюбоваться на Праецино; они увлеклись обсуждением различных кандидатур, ни одну из которых Геру не знал и не мог толком прокомментировать.

- - -

Хотя во время перемены ему это и не пришло в голову, именно тогда, когда Каэдрин пожаловался, что портрет на входе не похож на Геру, он решил, что будет лучше поступить благоразумно и обновить его. Ему действительно следовало подумать об этом раньше. Только после того, как Салазар с гордостью объявил, что Этелинда ждет ребенка, Геру удалось договориться с тем же художником, который писал портрет, чтобы он приехал в замок и приступил к тонкой работе.

То, что нужно было писать оба портрета, глубоко беспокоило Геру, так как это означало, что нужно либо пустить человека в свои покои, либо добавить альтернативный способ входа в комнаты. В итоге он дал человеку закончить первый портрет, затем поменял их местами и дал ему закончить второй. В конце концов, портретам было все равно, кто из них находится снаружи, и они часто менялись кадрами. В итоге оба портрета оказались гораздо более похожими на его нынешний.

К тому времени жена Салазара уже начала показывать свое состояние, то есть когда ее действительно видели. Салазар, похоже, был очень доволен тем, что она была замкнутым и довольно застенчивым существом. Геру просто закатывал глаза, когда ее имя всплывало в разговоре, естественно, вне поля зрения Салазара, и по возможности отказывался от комментариев.

Это было довольно легко сделать, когда Салазар настойчиво превозносил предполагаемые достоинства своей Этелинды - именно такие вещи Геру считал невероятно сексистскими и архаичными. И поскольку он без сомнения знал, что Салазар не собирается меняться - а Херу не имел права думать, что он изменится, - он придержал язык, многозначительно кивнул и понадеялся, что брат забудет о том, что у него нет жены.

В конце концов, ему действительно нравился Салазар, и он наслаждался его обществом, но только не тогда, когда речь шла о какой-либо женщине, кроме Ровены или Хельги. Отчасти надеясь, что брат будет слишком занят, чтобы помнить некоторые детали, о которых Салазар предпочел бы забыть, Геру предложил брату начать записывать свои доктрины, а также все остальное, что он считал нужным.

Геру и самому было интересно посмотреть, что Салазар запечатлеет на бумаге, и он надеялся, что в будущем сможет прочесть труды брата. Правда, насколько это будет далеко в будущем, он не знал.

Он также нашел время, чтобы расспросить Салазара о василиске. Салазар отнесся к этому вопросу довольно спокойно, утверждая, что ничего особенного в этом нет.

"Послушайте. Это просто домашнее животное, дорогой брат. Немного крупновата, признаю, но все же домашнее животное. О чем тут беспокоиться?"

"Но, Салазар, зная то, что я знаю, твой ответ мне ни о чем не говорит", - запротестовал он.

"Ну, ты и сам никогда не был особо откровенен в этом вопросе".

После нескольких минут круговых споров Геру пришел к выводу, что Салазар ни в чем не признается. Ему оставалось только сделать вывод, что василиск - это некий предохранитель. Он не мог активно вмешиваться в это, как бы больно ему это ни было. Однако он почувствовал, что кое-что выиграл, когда Салазар согласился вести дневник.

Учебный год продолжался; новые преподаватели обживались на своих местах, и Геру был рад вести уроки Защиты, хотя и чувствовал некоторую потерю от того, что у него не было таких близких отношений с годовой группой. Если бы все было так, как сейчас, когда Кэдрин потерял семью, у него мог бы не быть сына.

Весна пришла вовремя, и Этелинда расцвела вместе с ранними цветами. К сожалению, она была не из тех, кто обретает то особое сияние, которое бывает у женщин. Вместо этого ее стали видеть еще реже из-за ее все более раздражительного настроения и неустойчивого поведения. Вскоре после этого она родила здорового сына, которого Салазар сразу же назвал Салвалусом.

Это был плохой день для Геру, когда он понял, что рождение сына у Салазара означает, что теперь мысли его брата могут переключиться с этого радостного события на скандальное отсутствие жены у Геру. Салазар становился все более настойчивым в этом вопросе, доходя до

того, что хватал за руку проходящих мимо девушек в школе и задавал им многочисленные вопросы об их происхождении, а затем вопросительно смотрел на Геру.

В конце концов Геру обратился за помощью к Хельге и Ровене. Он провел в беседе с ними несколько часов, и все это время не скрывал, что женщины его совершенно не интересуют. Что они думали по поводу его неуверенности, так и осталось невысказанным. Однако они потратили время на то, чтобы прочесать студенческий контингент, пытаясь найти девушку хорошего воспитания и подходящего возраста, которая была бы так же равнодушна к этой идее, как и Геру, но при этом готова была бы обеспечить себе выгодный брак, если бы ей предложили.

Чтобы избежать брата, Геру стал шпионить за ним по коридорам, но это не помешало Салазару зайти в его каюту, чтобы устроить засаду и поинтересоваться успехами в поисках. Предложение оказать личную помощь заставило Геру снова отправиться к дамам за защитой.

Когда они наконец остановили свой выбор на девушке, которую сочли лучшей, Геру почувствовал облегчение и еще большее беспокойство. Он встретился с ней, чтобы поговорить и убедиться, что она действительно готова - не то чтобы он не доверял дамам - и что с ней можно хотя бы найти общий язык. Хорошо еще, что она была на последнем курсе. Как только Салазар узнает о ней и даст свое личное согласие, он не позволит ничему помешать их объединению летом.

То, что Каэдрин, похоже, был доволен идеей мачехи, заставило Геру строго-настрого запретить себе когда-либо показывать, что он не в восторге от этой затеи. Мальчик ладил с Риган гораздо лучше, чем Геру, но ведь не ему предстояло на ней жениться. Даже Праецино вел себя так, словно одобрял девушку.

Небольшое отвлечение было связано с предстоящим окончанием семестра. Когда составлялись цифры на следующий год, разгорелась очередная дискуссия: жители деревни никогда не медлили с рождением детей, как и семьи волшебников, живущие дальше.

Проблема была не столько в нехватке кадров, сколько в том, что возникла проблема с жильем для студентов. Всех девочек размещали в одном месте, мальчиков - в другом; основатели понимали, что численность населения будет расти, и такое положение вещей не может устраивать вечно.

К этому следует добавить различие во взглядах на то, кто должен посещать школу. Салазар все еще был против того, чтобы в школу принимали магглорожденных, но нехотя уступил. Геру было интересно, придёт ли ему напоминать друзьям о том, что они узнали из его воспоминаний, или же они сами спонтанно вспомнят, как это было решено в последующие годы.

К тому времени, когда студенты вернулись домой, они так ничего и не решили, и Херу всерьез задумался о том, чтобы резко подтолкнуть своих друзей. Что угодно, лишь бы Салазар отвлекся от предстоящей свадьбы. Положение спас Годрик, который, войдя на кухню, небрежно

плюхнулся на стул, сбросил шляпу и, взмахнув ногами, улегся на стол.

После восклицания Салазара, укорившего его за дурные манеры, Годрик попытался исправить положение, но бедная шляпа так и осталась лежать согнутой и помятой. При ближайшем рассмотрении она напоминала изрядно выпившего старика, опрокинувшегося навзничь, словно не в силах удержать равновесие.

Геру терпеливо ждал, пока в их головах возникнет то, что, как он знал, должно быть там, и ждал, когда оно воплотится в жизнь, и облегченно вздохнул, когда Хельга сказала: "О, как очаровательно! Это похоже на тебя после ночи в таверне, Годрик". Она весело рассмеялась, снова взглянув на шляпу.

"Тише", - выругался он.

"Нет, правда. Все, что ей нужно, - это немного твоей индивидуальности, и все будет готово".

На лице Ровены что-то мелькнуло, потом утихло, но она все равно продолжала разглядывать шляпу.

Хельга взяла шляпу со стола и переложила ее в одну руку, играя ею, как марионеткой. Подняв ее перед лицом, она пальцами изобразила импровизированный рот.

"Годрик, - хрипловато произнесла шляпа, - тебе следует быть осторожнее!"

Салазар тихонько захихикал, и Ровена поспешно прикрыла рот. Геру откинулся на спинку кресла с легкой ухмылкой на лице.

"Мне следовало бы сказать что-нибудь раньше", - сказала шляпа. "Будь у меня хоть половина твоего мозга, я бы..."

Хельга остановилась и повернула шляпу к себе лицом, нахмурившись. "А вот это интересная мысль. Не находите?"

Она повернула шляпу обратно. "Я бы подумала, если бы могла", - ответила шляпа.

Хельга сдвинула шляпу в сторону и подняла брови на Ровену в немом вопросе. Ровена, в свою очередь, на мгновение наклонила голову вправо, слегка нахмурился лоб, а затем подняла взгляд на Салазара. Он постукивал длинным пальцем по подбородку.

Геру стало почти грустно. Он так никогда и не узнает, была ли сортировочная шляпа парадоксальным творением, или это их собственная идея, созданная из цельного полотна их

воображения.

Потребовался месяц, чтобы проработать детали шляпы и определить, как она будет определять, кто куда попадёт, а также наполнить её своими собственными мыслями и силой. После завершения работы она заняла почетное место на столе в кабинете Годрика.

И тут Салазар вспомнил о Риган.

<http://tl.rulate.ru/book/93837/3146179>